

УДК 82.091

**ПРОБЛЕМАТИКА ТЕРРОРИЗМА
В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

А.Ш. Бик-Булатов

Аннотация

В статье исследуются основные трактовки русского политического терроризма второй половины XIX – начала XX века в публицистике соответствующего периода. Представлены взгляды революционных террористов, почвенников, представителей либерального народничества, ранних марксистов. Выясняется соотношение общественно-политических типов нигилиста, революционера и террориста в публицистических статьях. Прослеживается динамика в осмыслении образа террориста, связанная с преодолением его героизации в социалистической печати начала 1900-х годов.

Ключевые слова: нигилизм, терроризм, русская публицистика, народничество, марксизм.

Вопрос о терроризме возник в русской публицистике на рубеже 60–70-х годов XIX в., впервые попав в политическую повестку дня. Волна террористических актов (начиная с первого покушения на Александра II в 1866 г.), прокатившаяся по России, вместе с ростом нелегальных организаций и появлением нового поколения революционеров выдвинула для обсуждения ряд новых тем. Среди них и соотношение идей прежних оппозиционеров-демократов, писателей-шестидесятников (Н. Чернышевского, Н. Добролюбова, Д. Писарева и др.) с концепциями новых революционеров-семидесятников, сделавших террор одним из основных методов борьбы с самодержавием: насколько ответственны «учителя» за такое развитие «учеников»? Второй важный вопрос: как, собственно, относиться к политическому терроризму? Каков внутренний мир типичного политического террориста, в чём истоки этого явления, какую оценку мы должны ему дать?

Вопрос об оценке политического терроризма может показаться странным в современную эпоху, когда в целом мы имеем вполне однозначное общественное осуждение терроризма как метода политической борьбы, если речь идёт, конечно, о цивилизованных высокоразвитых обществах, зиждущихся на гуманистических ценностях. Однако для второй трети XIX в. идейный терроризм был ещё новым явлением, отношение к которому только предстояло выработать.

Обозревая публицистику тех лет, можно отметить некоторую героизацию типа террориста в революционно-народнической нелегальной и эмигрантской печати. Террорист представлен как разрушитель во имя правды, новый человек,

практик, переступивший через самую тяжёлую черту и границу – через человеческую жизнь, но он же – борец за народное счастье, поэтому такое преступление оправдано.

Можно с полным основанием констатировать, что выросло такое отношение к террористам именно из нигилистического вопроса в литературе, обсуждения «особенных людей», свободных от морали, и деятельных носителей новых ценностей. Наличие взаимосвязи учений нигилизма и терроризма и на современном этапе подтверждают некоторые зарубежные философы-публицисты (см., например, [1]).

Вопрос о «новом человеке», столь актуальный в 60-е годы XIX в., трансформируется в следующем десятилетии. Русская нигилистическая беллетристика после Н. Чернышевского с его Рахметовым не смогла предложить скольконибудь значимый тип, однако его подсказала сама жизнь. «Новым человеком» эпохи 70-х годов и далее становится революционер-террорист.

В это время в Европе, благодаря деятельности русских социалистов, тема нигилизма становится одной из первейших в печати. Степняк-Кравчинский в очерках «Подпольная Россия» замечал по этому поводу: «Лет пятнадцать спустя, когда заправский нигилизм совершенно сошёл со сцены в России и был почти забыт, эта кличка вдруг воскресла и стала жить за границей, где и засела так прочно, что, по-видимому, её уже ничем не вытравишь» [2, с. 5].

Соединение двух поколений русских революционеров под одним названием «нигилист» самими представителями революционного народничества воспринималось весьма критично: «Перед нами два типа развития общественной мысли в России. Один – принадлежащий десятилетию 1860–1870; другой – появившийся с 1871 года. Трудно представить себе более резкую противоположность. Нигилист стремится во что бы то ни стало к собственному счастью, идеал которого – “разумная” жизнь “мыслящего реалиста”. Революционер ищет счастья других, принося ему в жертву своё собственное. Его идеал – жизнь, полная страданий, и смерть мученика.

И по какому-то странному капризу судьбы первому из них, который не был и не мог быть известен нигде, кроме своей родины, Европа не дала никакого имени, тогда как второй, завоевавший себе столь грозную известность, был окрещён именем своего предшественника. Какая ирония!» [2, с. 5].

Неслучайно роман того же Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов», повествующий о судьбе русского революционера, в первой, английской, публикации имел название «Карьера нигилиста», а одно из эмигрантских оппозиционных русскоязычных изданий конца 80-х годов XIX в. так и называлось «Нигилист»¹.

Наименование «нигилист» по отношению к радикальным семидесятникам используется также, чтобы оттенить их крайнюю революционность, перерастающую в политический авантюризм (ср.: «нечаевщина»), который не был свойственен более вдумчивому поколению предыдущего десятилетия. Например, А. Герцен наиболее «свирепых», «угловатых» и «шершавых» представителей «молодой эмиграции» называет «Собакевичами и Ноздрёвыми нигилизма» [4, с. 350].

¹ Упомянуто в «Новом времени» от 1 февраля 1888 г.

Подобное употребление названия «нигилист» встречается и у современных исследователей. Так, Л. Громова, характеризуя политическую позицию П. Лаврова, отмечает «его неприятие “нигилизма” молодых» (цит. по [3, с. 123]) и видит в этом следование Лавровым герценовской традиции.

Тип террориста как положительного героя следующей после Рахметова генерации «особенных людей» начинает активно разрабатываться в социалистической (прежде всего эмигрантской) публицистике, а затем и в художественной литературе представителей этого лагеря² с конца 70-х годов. Событием, подготовившим почву для подобной героизации русского террориста, стало небезызвестное дело Веры Засулич.

Вот характерный отрывок из статьи В. Зайцева в журнале «Общее дело» (1878, № 8): «Терпит народ, терпит интеллигенция, терпит печать, терпит юстиция и её прокуроры... и вот является 23-летняя русская девушка и смелой рукой разом срывает маску с тирании и воздаёт должное извергу. О героиня! Зачем ты родилась среди нас! Мы не достойны тебя!.. Ты Жанна д'Арк человеческого достоинства, мстительница поруганного человечества!.. Но нет, ты всё же дочь нашей несчастной, нашей робкой, погрязшей в варварстве земли. И если эта земля могла создать тебя, то не всё ещё потеряно. Если нет у нас мужей, то есть женщины, которые спасут нас. Будь же благословенна, пославшая луч надежды на наше тёмное царство!» (цит. по [3, с. 124]).

Выстрел Веры Засулич был новым ответом на старый вопрос «Что делать?» Если раньше устами Н. Чернышевского и Д. Писарева предлагалось «заводить мастерские», то теперь бывший соратник того же Дмитрия Писарева по «Русскому слову» Варфоломей Зайцев пишет глубокомысленную статью «О пользе цареубийства». «Терроризм во имя идеи» стал воистину «новой моралью» для целого поколения русских революционеров.

Весьма характерно название последней, опубликованной уже посмертно в 1882 г. статьи уже упомянутого В. Зайцева – «Новая нравственность». Там он, между прочим, писал: «Мы, люди 60-х годов, протестовали по мере сил наших, страдали, жертвовали, но всё это делалось вразброд, пассивно; как агнцы, шли мы за наши убеждения, но как ни многочисленны были заклёпываемые жертвы все они были одиночны... Наконец, по сигналу героини, имя которой будет жить в памяти цивилизованных народов, как имена Гармония и Телля, такое пассивное положение прекратилось. Против лагеря “обагряющих руки в крови” восстал строем “стан погибающих за великое дело любви”, погибающих не пассивно, а с честью, в сильной, порой победоносной борьбе» (цит. по [3, с. 124]).

Таким образом, в 70-е годы перед социалистами нового призыва опять встал пресловутый вопрос Н. Чернышевского «Что делать?» – вопрос о дальнейшей тактике и стратегии революционного движения. Ответы прежнего поколения шестидесятников уже не могли их удовлетворить.

В аллегорической форме об этом писал Степняк-Кравчинский: «Нигилизм восторжествовал по всей линии, и ему не остаётся ничего больше, как успокоиться на лаврах. Первые две ипостаси из троицы его идеала, провозглашённого романом “Что делать?”, – свобода мысли и развитая подруга жизни – были налицо.

² Характерный пример – упомянутый роман Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов».

Недоставало только третьей – “разумного труда”. Но так как он человек интеллигентный, а Россия нуждается в образованных людях, то он легко может найти себе дело по вкусу.

– Ну, а что же дальше? – вопрошает юноша, полный сил и отваги, прибывший из какого-нибудь отдалённого угла России и посетивший своего прежнего учителя.

– Что ж, я своего добился и по-своему счастлив, – отвечает тот.

– Да, – скажет юноша, – ты счастлив, я это вижу. Но как можешь ты быть счастлив, когда в твоей родной стране люди умирают от голода, когда правительство отнимает у народа последний грош и посылает его по миру? Или, быть может, ты этого не знаешь? а если знаешь, то что ты сделал для братьев твоих? Не сам ли ты говорил когда-то, что будешь бороться за счастье всех людей?

И правоверный тургеневский нигилист будет смущён этим неумолимым взором. <...>А юноша уйдёт, исполненный тоски, задавая себе томительный вопрос: что делать?» [2, с. 7]

Были, однако, в социалистическом лагере и другие мнения авторов, не желающих примириться с терроризмом как методом борьбы. Некоторых из них несогласие с политическим терроризмом привело к полному пересмотру взглядов. Наиболее показателен здесь пример народника Льва Тихомирова – сотрудника благосветловского «Дела», а позднее эмигрантских изданий П. Лаврова, – который покался и стал яростным монархистом. В своих статьях и выступлениях 80–90-х годов («Начала и концы. Либералы и террористы», «Почему я перестал быть революционером» и др.) Л. Тихомиров источник разгула терроризма видел в революционно-нигилистическом мировоззрении передовой молодёжи: «Терроризм исчезнет у нас тогда, когда исчезнет мысль действовать революционным путём. <...> Терроризм был бы совершенно немислим, если бы основная подкладка русского “передового” мирозерцания не была анархична. Это мирозерцание совершенно расшатывало основания *нравственности*, оно отнимало у человека всякое прочное руководство в определении того, что он может себе позволять и чего не может» [5, с. 28].

Ключевым событием, определившим отношение к нигилизму в 70–90-е годы в российском обществе, стало «нечаевское дело» – убийство студента Иванова членами Нечаевской тайной организации «Народная расправа» и последовавший затем (в 1871 г.) открытый судебный процесс. На суде над нечаевцами моральной победы самодержавие не достигло. Не пропускавший ни одного заседания суда Ф.И. Тютчев с горечью писал о том, что лишённой всяких идеалов правительственной власти нечего противопоставить «заблуждающимся, но пылким убеждениям революционеров» (цит. по [3, с. 126]). Тем не менее социалистической публицистике предстояли сложные задачи: оправдать всё революционное движение, отрестившись от Нечаева; ответить на обвинения в «нечаевщине», что было особенно сложно из-за известных связей Сергея Нечаева с такими лидерами русской оппозиции, как Н. Огарёв и М. Бакунин.

Публицист «Отечественных записок», идеолог народничества Н.К. Михайловский с опасением относится к новым героям-практикам, в особенности к тем, которые называют прежнее поколение, то есть шестидесятников, своими учителями: «Пришли люди, не мучившиеся над их [формул] выработкой, не знающие

их цены, не имеющие той внутренней гарантии, которая не допускала бы практического падения, несмотря на односторонность теоретических положений. Пришли эти люди и подобрали наши краткие и ясные формулы. И пустили их в оборот... Боже, что они из них сделали!» [6, с. 40]. «Когда травля выхватывала из среды так называемых “новых людей” каких-нибудь уродов, буквально понимавших наши краткие и грубые формулы, которые имели для нас вообще только теоретическое значение и которым мы вовсе не следовали на практике; когда травля выхватывала таких уродов и снимала с них фотографию, мы либо отрицали самый факт, либо даже брали уродов под свою защиту. И старались нанизать на них свои мысли и чувства, обратить в свой идеал» [6, с. 39].

Представители почвенничества объявили, что появление «нечаевщины» закономерно, это логический итог развития нигилизма в России. Особенно явно эта мысль прослеживается в романе Ф. Достоевского «Бесы». Генезис русского терроризма, берущий начало в эпохе прежних литературных предводителей, выясняет другой видный почвенник Николай Страхов: «Литературная деятельность, то есть единственная деятельность нигилизма, могущая быть законною, была слишком медленна и неудачна, и не могла удовлетворить нигилистов, даже если бы они были расположены одною ею ограничиваться. Они стали искать другого поприща, чтобы действовать, и многие пошли в народ, чтобы распространять свои мысли и разжигать недовольство в простых людях. <...> Семена революции не принимались на русской почве. <...> Прежде они готовы были разрешить себе, и даже разрешали, всякий нравственный яд и нравственный динамит; но эти средства в их руках почему-то очень слабо действовали. Тогда они прибегли к физике и химии, которые действуют неотразимо, и дело пошло гораздо успешнее. Они не могли убить враждебные им принципы; тогда они стали убивать людей, представлявших собою эти принципы. Какая радость для злодея сознавать, что он может поколебать целое государство, навести ужас на миллионы людей, и что всякая власть и сила, всякая любовь и преданность бессильны против его покушений!» [7, с. 69].

Весьма показательна позиция князя П. Кропоткина, который находит даже возможность оправдать террористов-цареубийц, не нарушивших принцип «равенства»: «Перовская и её друзья убили русского царя Александра II. И, несмотря на своё прирождённое отвращение к пролитию крови, несмотря на некоторую симпатию к человеку, допустившему освобождение крепостных, человечество признало за революционерами это право. Почему? Не потому, что бы оно считало это полезным: громадное большинство сомневается в пользе этого убийства, – но потому, что оно почувствовало, что ни за какие миллионы в мире Перовская и её друзья не согласились бы сами стать самодержцами и тиранами на царское место. ... Оно [убийство] не было делом юношеского задора, не было дворцовым переворотом, не было свержением власти для захвата её в свои руки. Руководителем была здесь ненависть к тирании, доходящая до самоотвержения, до презрения смерти. “Эти люди действительно имели право отнять у него жизнь!» – таков был общий приговор»» [8, с. 513].

При этом, в отличие от Николая Страхова, называвшего «слугами нигилизма» тех, кто «прислал бомбы для наших анархистов», Пётр Кропоткин старался

развести «теоретиков» и «практиков» по разные стороны: «Смешивать нигилизм и терроризм всё равно, что смешать философское движение, как, например, стоицизм или позитивизм, с политическим движением, например республиканским. Терроризм был порождён особыми условиями политической борьбы в данный исторический момент. Он жил и умер. Он может вновь воскреснуть и снова умереть. Нигилизм же наложил у нас свою печать на всю жизнь интеллигентного класса, а эта печать не скоро изгладится» [8, с. 501].

Всё же мы можем утверждать, что террористическая практика тех лет была не только следствием сложившихся исторических условий, но и, как показал сам же П. Кропоткин, итогом определённой этики, философии, оправдывающей «справедливое» убийство.

С конца 1890-х, и особенно в 1900-е годы, политический террор приобретает угрожающие массовые формы, это уже не отдельные акции одиночек, провозглашаемых радикальной прессой героями. На рубеже веков общество пришло к террору.

Б. Савенков (Ропшин), в связи с известными российскими событиями 1905 г., замечал: «Первая русская революция, постигшая страну, задавленную издавна в своём росте, не успевшую скопить никаких культурных богатств, почти вовсе не имеющую твёрдого личного самосознания, – эта революция уже переливается всеми цветами смертельного безумия. Разве жизнь, своя и чужая, не потеряла в глазах каждого всякую ценность?» (цит. по [3, с. 216]).

Современный исследователь террора в России начала XX века А. Гейфман констатирует: «Формы насилия, подпадающие под широкое определение революционного террора, своим неслыханным размахом и разрушительным влиянием на жизнь всего общества представляют не просто значительный, но уникальный в своём роде социальный феномен. <...> Новый тип экстремиста предполагал “слияние революционера с разбойником, освобождение революционной психики от всяких нравственных сдержек”. <...> Прибегали к новому типу террора..., грабя и убивая не только государственных чиновников, но и простых граждан, по одиночке и группами. Они-то [«революционеры»] и были главным образом ответственны за создание атмосферы страха и хаоса в империи» [9, с. 15].

Для публицистов социалистического лагеря это время стало периодом формирования сначала за границей, а затем в России первых полноценных партий (марксисты создали РСДРП, народники – партию эсеров). Вопрос о приемлемости террора как метода политической борьбы и границах его применения стал частью развернувшихся дискуссий между различными социалистическими группами в период оформления ими партий.

Ярким примером этих споров может служить статья Веры Засулич «Террористическое движение в России», опубликованная по-немецки в 1902–1903 годах в журнале “Neue Zeit” («Новое время») К. Каутского. Автор ведёт полемику с эсерами, апологетами терроризма, цитируя их основную аргументацию, приведённую в программных статьях: «Партия, – говорится там, – предпринимает организованный систематический терроризм не для того, чтобы заменить массовую борьбу, а для того, чтобы *дополнить* и *усилить* эту массовую борьбу [курсив

В. Засулич]. Сообразно с этим терроризм, вероятно, необходим “в качестве орудия необходимой самозащиты, без которой разгул ничем не сдерживаемого самодержавного произвола переходит всякие границы...” Задача “Боевой организации” “Партии социалистов-революционеров” должна заключаться в том, чтобы обуздать этот произвол» [10, с. 92].

Вера Засулич отвечает на это тем, что «покушения на властителей не “обуздывают” самодержавие. <...> Эти террористические акты и не являются реальной борьбой, а имеют чисто показательный характер. <...> Террористическая борьба привлекает всеобщее внимание, престиж террористов повышается, она возбуждает радостное чувство, удовлетворяет “психологическую потребность в отпоре, которой полны сердца избитых и опозоренных” и т. д. <...> Конечно, терроризм порождает радостные чувства и ложное удовлетворение от мнимого “удара” и победы, которой на самом деле не было. Он создаёт фиктивное “удовлетворение психологической потребности в сопротивлении”. Однако мы твёрдо убеждены, что именно в этом заключается вред психологического воздействия терроризма, ведущего к постепенному спаду и ослаблению движения. Это удовлетворение слишком дёшево» [10, с. 93–95].

Итак, агитационный, или, говоря современным языком, медийный потенциал террористического акта как публичного события превалирует над его реальным значением в деле борьбы с самодержавием. Такой вывод, предвосхищающий многие современные концепции, делает публицист начала XX века.

Конечно, этика русских социалистов позапрошлого столетия, допустившая и оправдавшая терроризм как метод, представляется нам довольно уродливой (вспомним приведённые здесь размышления князя П. Кропоткина), даже если она обусловлена состоянием среды и самоощущением русского общества того времени. Тем не менее, находясь по-прежнему в рамках этой этики (не покидая её, как Л. Тихомиров), часть социалистов на рубеже веков приходит к выводу о непригодности терроризма, считая его важным, но по существу заканчивающимся периодом в истории русского освободительного движения. Общий вывод статьи Веры Засулич таков: «Каких бы результатов ни ожидали сами террористы от своих покушений, для партии русской социал-демократии, видящей свою ближайшую задачу в организации массовой революционной борьбы с русским абсолютизмом, их мужество может иметь лишь симптоматическое значение. <...> У социал-демократов, работающих в центральных областях и в столицах, о склонности к терроризму не может быть и речи» [10, с. 88–89, 98].

Как известно, В. Засулич ошиблась, и терроризм как метод политической борьбы активно использовался многими революционерами не только народнических, но и марксистских воззрений. Осмысление природы терроризма в публицистических дискурсах эпохи, помимо важности с исторической точки зрения, имеет чрезвычайную актуальность, востребованность в социально-политических условиях современной цивилизации, когда уже глобальный терроризм предстаёт громадным непознанным феноменом нашего времени.

Summary

A.Sh. Bik-Bulatov. The Problem of Terrorism in the Russian Journalism of the Second Half of the 19th and the Early 20th Centuries.

The article deals with the main interpretations of the Russian political terrorism of the second half of the 19th and the early 20th centuries in the journalistic writings of the said period. The views of revolutionary terrorists, the followers of the *Pochvennichestvo* and liberal *Narodnichestvo* movements, and early Marxists are presented. The ratio of sociopolitical types of a nihilist, revolutionary and terrorist in the journalistic essays is found out. The dynamics in understanding the image of a terrorist, associated with the overcoming of its glorification in socialistic press of the early 1900s is traced.

Keywords: nihilism, terrorism, Russian journalism, Narodnichestvo, Marxism.

Литература

1. Глюксман А. Достоевский на Манхэттене. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 224 с.
2. Степняк-Кравчинский С.М. Соч.: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1987. – Т. 1. Россия под властью царей. Подпольная Россия. – 575 с.
3. Бик-Булатов А.Ш. История отечественной публицистики XIX – XX веков: дискурсы нигилизма. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 292 с.
4. Герцен А.И. Полн. собр. соч.: в 30 т. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – Т. 11. – 808 с.
5. Тихомиров Л.А. Критика демократии. Статьи из журнала «Русское обозрение» 1892–1897 гг. / Вступ. ст. и коммент. М.Б. Смолина. – М.: Москва, 1997. – 672 с.
6. Михайловский Н.К. Собр. соч. – СПб.: Изд-во журн. «Русское богатство», 1897. – Т. 4. – 1020 стб.
7. Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе: ист. и крит. очерки. – Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1897. – Кн. 2. – 465 с.
8. Кропоткин П.А. Анархия. – М.: Айрис пресс, 2002. – 573 с.
9. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. – М.: Крон-пресс, 1997. – 446 с.
10. Первая марксистская организация России – группа «Освобождение труда», 1893–1903: документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания. – М.: Наука, 1984. – 448 с.

Поступила в редакцию
26.06.13

Бик-Булатов Айрат Шамилевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: Aiaibikbik@mail.ru